

З. В. УДАЛЬЦОВА

ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ ХРОНОГРАФИИ VII В.

1. ИОАНН ЛАВРЕНТИЙ ЛИД

В VI в. в Византии получил значительное распространение особый жанр историко-литературных сочинений — трактаты, посвященные проблемам общественной и идейной жизни империи. Наиболее примечательными произведениями подобного жанра были трактаты, созданные представителем высшей чиновной иерархии и даровитым писателем Иоанном Лаврентием Лидом.

Его полное имя — Иоанн Лаврентий Филадельфий Лид¹. Второе имя, по всей видимости, является именем его отца, третье же и четвертое, вероятно, отражают название родного города этого автора: он был уроженцем Филадельфии, расположенной в Лидии². Родился Иоанн Лид в 490 г., а в 511 г. в возрасте 21 года приехал в Константинополь с тем, чтобы продолжить свое образование, а затем заняться административной деятельностью³.

Иоанн Лид получил классическое образование, включавшее знакомство с греческой философией, римским правом, греческой и латинской филологией. Его учителем был известный в то время философ Агапий, у которого он изучал философию Платона и Аристотеля. В юные годы Лид овладел латинским языком, познаниями в котором он гордился всю свою жизнь. Однако Лид не стал ученым — ни филологом, ни историком. Судьба готовила ему административную карьеру. Ко времени прибытия Иоанна в Константинополь его соотечественник и друг Зотик был назначен на высокий пост префекта претория. Зотик убедил Лида стать нотарием префектуры претория. Свою служебную карьеру Иоанн, как и его двоюродный брат Аммиан, начал со скромной должности одного из эксцепторов (*ὑπογραφεῖς*) этого ведомства.

Иоанн Лид проявил себя старательным и сведущим чиновником. Благодаря протекции Зотика он довольно быстро поднимался по служебной лестнице и стал первым хартулярием префектуры. Ему назначили приличное ежегодное жалование⁴. Более того, при посредстве Зотика Иоанн «выгодно» женился, взяв в приданое 100 фунтов золота (7200 номисм)⁵, что во времена Юстиниана равнялось годовичному жалованию префекта Африки⁶. В знак благодарности за высокое покровительство Иоанн посвятил своему благодетелю хвалебный энкомий. Зотик был настолько тронут этим, что заплатил ему по одному золотому (*χρῖσιον*) за каждый стих. После года службы в судебном ведомстве префектуры претория Иоанн чуть было не стал секретарем императорского суда, но в это время его карьера в гражданской администрации неожиданно оборвалась. В 512 г. патрон Лида Зотик был смещен, а его преемник на посту префекта претория Марин не только не покровительствовал Лиду, но, напротив, отно-

¹ *Photius. Bibl. cod.* 180, p. 125 / Ed. I. Bekker.

² *Ioannes Lydos. De magistratibus*, III, 26; *De mensibus*, IV, 2; *De ostentis*, 53.

³ *Trispanlis C. N. John Lydos on the Imperial Administration. — Byz.*, 1974, XLIV, fasc. 2, p. 480.

⁴ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 27. Жалованье его равнялось 24 золотым номисмам в год.

⁵ *Ibid.*, III, 27.

⁶ *Trispanlis C. N. Op. cit.*, p. 481.

сился к нему с явной недоброжелательностью. Недаром много позднее Иоанн Лид отомстил Марину, подвергнув его правление самой резкой критике в своем труде ⁷.

Иоанну Лиду пришлось покинуть префектуру претория и перейти на военную службу. Он много лет служил правительству верой и правдой на военном и дипломатическом поприще, достигнув ранга корникулярия (*cognicularius*) ⁸. Согласно обычаю того времени, человек, достигший этого высшего военного ранга, именовался также принцепсом, трибуном и нотарием ⁹. Иоанн Лид, однако, жалуется, что занимаемые им посты доставляли ему весьма незначительные средства, поскольку его звания превратились в то время уже в почетные должности, не приносявшие реальных доходов ¹⁰. Иными словами, заслуженный им почет не был подкреплен материальным достатком.

В 551 г. Иоанн Лид ушел в отставку, прослужив на административных и военных постах сорок лет и четыре месяца (511—551 гг.) ¹¹. Причина отставки состояла в том, что он пришелся не по вкусу всемогущему временщику, префекту претория Иоанну Каппадокийскому, который жестоко притеснял его по службе. Разногласия с самим префектом и другими чиновниками префектуры претория в конечном счете повлекли за собой отставку Иоанна Лиды. Он тяжело переживал ее. Личная обида, глубоко затаенная, но не забытая, привела впоследствии Иоанна Лиды в стан людей, оппозиционно настроенных по отношению к правительству, хотя и не решавшихся на какие-либо открытые выступления и прямую критику правления Юстиниана.

Прошлые заслуги Лиды все же не были окончательно забыты, и после отставки с государственной службы он был назначен профессором латинской (а возможно, и греческой) словесности Константинопольского университета: одно время император Юстиниан весьма благоволил к Иоанну Лиду за его литературный талант, чем, видимо, и объясняется это назначение. Из письма Юстиниана, адресованного Иоанну Лиду, мы узнаем, что император ценил его как поэта. Юстиниан называет Иоанна весьма мудрым (*σοφώτατος ἀνὴρ*), необыкновенно эрудированным (*δολογιώτατος*), хвалит его за широкие познания, лингвистический дар, добродетельную жизнь и блестящую карьеру в гражданской и военной сфере ¹².

Помимо энкомия Зотику, Иоанн Лид написал еще один панегирик, возможно, в честь самого Юстиниана, который произнес в присутствии императора и послов из Рима. Иоанн Лид утверждает также, что Юстиниан убеждал его написать историю войны с персами, которую тот удачно вел ¹³. Однако милости императора оказались недолговечными.

Удалившись от государственной службы, Лид в конце жизни занялся исключительно литературным трудом. Дата смерти писателя не известна ¹⁴.

Перу Иоанна Лиды принадлежат три произведения, весьма неравноценные как по своему содержанию, так и по форме. Это трактаты «О магистратах римского народа» (*De magistratibus Populi Romani*), «О месяцах» (*De mensibus*) и «О небесных знаменьях» (*De ostentis*). Бесспорно, наибольшее значение имеет его историко-административный трактат «О магистратах». Иоанн начал составлять его в ноябре 554 г. и закончил в декабре 565 г. ¹⁵ Сам автор говорит, что приступил к созданию своего труда после того, как прошел через высокие посты корникулярия, принцепса, магистра официий и завершил блестящую карьеру в гражданской и воен-

⁷ *Ioannes Lydos. De mag., III, 46; 49; 51.*

⁸ *Ibid., III, 22—24; 30.*

⁹ *Ibid., III, 24—25.*

¹⁰ *Ibid., III, 66.*

¹¹ *Ibid., III, 29.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid., III, 28.*

¹⁴ *Ensslin W. Zur Abfassungszeit von des Iohannes Lydos. — Philologische Wochenschrift, 1942, S. 667 ff.; cp.: Ioannes Lydos. De mag., p. V—VIII; Ibid., I, 15; 22; 23; III, 16.*

¹⁵ *Ibid., III, 16.*

ной администрации¹⁶. Но и тогда Иоанн был очень занят преподаванием и другими делами. Вероятно, из-за занятости он не смог привести в порядок свое сочинение и дать точные ссылки на те многочисленные источники, которые в нем были использованы. Скорее всего, Лид цитировал их по памяти, а потом уже не имел возможности проверить написанное — отсюда многочисленные погрешности в ссылках на произведения античных писателей¹⁷.

Из греческих авторов Иоанн Лид использовал Софокла, Еврипида, Аристотеля, Аристофана, Диодора Сицилийского, Писандра, Диогениана Лексикографа, Евсевия Кесарийского, Филосксена; из латинских — Варрона, Вергилия, Катона, Цицерона, Юлия Цезаря, Апулея, Ювенала, Арриана, Персия, Светония, Клавдиана, Саллюстия, Ульпиана, Сципиона Африкана, Лепидия, Помпония, Цельса, Корнелия Непота и др.; из современных ему авторов — Петра Патрикия, написавшего *De magisterio officiorum* (*Περὶ πολιτικῆς καταστάσεως*), и поэта Христорора¹⁸.

На основе этих разнообразных, преимущественно античных источников (частично они еще не установлены или утрачены) Иоанн Лид дает описание административного устройства, внутренней организации и, в меньшей степени, истории Римского государства с древнейших времен до правления Юстиниана включительно.

Трактат состоит из трех довольно больших книг. Первая охватывает царский период и республику; вторая посвящена римским должностям эпохи империи. Иоанн Лид сообщает важные данные о магистре оффиций, квесторе, корникулярии, принцепсе, консуле. В третьей книге речь идет главным образом о ведомстве префектуры претория. Основное внимание автора сосредоточено здесь на времени правления Анастасия и Юстиниана. В трактате содержится много автобиографических данных, значительно больше, нежели в двух других сочинениях автора. Очевидно, Иоанн Лид писал свой трактат уже в старости, и, возможно, смерть оборвала его работу над ним. Неудивительно, что встречаются повторы и некоторые несоответствия. Так, захват Антиохии Хосровом в 540 г. отнесен к первой войне Юстиниана с персами¹⁹.

Трактат «О магистратах» в той части, которая написана Иоанном Лидом как очевидцем и знатоком реальной организации центрального и провинциального управления империи, является ценнейшим историческим памятником. Его данные, касающиеся внутренней, особенно административной, истории Византийской империи VI в., во многом совпадают с известиями «Тайной истории» Прокопия и в то же время служат для них порою хорошим коррективом.

По своим политическим убеждениям Иоанн Лид принадлежал к оппозиционно настроенным кругам византийского чиновничества, недовольного политикой правительства, но скрывавшего это недовольство под маской официальной лояльности. Иоанн Лид, как и Прокопий, безжалостно вскрывает пороки византийской администрации, показывает тяжелое положение населения империи, но, конечно, в официальном труде, написанном при жизни императора, не решается хотя бы намекнуть на то, что виновником этих зол является прежде всего сам Юстиниан и его жена Феодора. Он всегда лоялен в отношении императора и верноподданнически восхваляет его как великого правителя и мудрого государственного деятеля. Иоанн Лид постоянно превозносит Юстиниана за необыкновенную мягкость, доброту, попечение о подданных, литературный гений, а также неустанную заботу о мире и процветании империи, о правосудии, о расширении ее территории²⁰. Иоанн Лид резко противопоставляет Юсти-

¹⁶ Ibid., I, 15; III, 25; 30.

¹⁷ *Trispanlis C. N.* Op. cit., p. 487.

¹⁸ Ibid., p. 488—489.

¹⁹ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 54.

²⁰ Ibid., III, 69. Ш. Диль полагал, что Лида нельзя заподозрить в неприязненном отношении к Юстиниану. См.: *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1908, с. XX.

ниана его предшественникам, прежде всего Анастасию, отличавшемуся необыкновенной скупостью, и Льву, известному своими финансовыми злоупотреблениями.

Всю ответственность за дурное управление государством Иоанн Лид возлагает на продажных и нерадивых высших чиновников империи, в первую очередь на Иоанна Каппадокийского. В 559 г., когда писался труд Иоанна Лида, Иоанн Каппадокийский уже пал жертвой происков всеильной Феодоры, и историку без какого-либо риска можно было поносить некогда могущественного вельможу и обвинять его в самых отвратительных пороках. Особенно раздражают Иоанна Лида все новшества, введенные Иоанном Каппадокийским в префектуре претория²¹. Ненависть Иоанна Лида к Иоанну Каппадокийскому, возможно, имела личной природы обиды, нанесенные префектом претория своему подчиненному. Вместе с тем она отражает оппозиционные настроения той части чиновничества, которая выступала против административных реформ Иоанна Каппадокийского²².

Иоанн Лид дает по большей части негативную оценку современной ему администрации префектуры претория, особенно сильно порицая правление Иоанна Каппадокийского. Этому вельможу он считает главным виновником социальных беспорядков в империи, а также ставит ему в вину значительное сокращение ведомства префекта города и префектуры претория²³.

Враждебность Иоанна Лида к Иоанну Каппадокийскому была вызвана бесконечными злоупотреблениями последнего, его реформами и нововведениями, особенно теми, которые касались судебного ведомства префектуры и в результате которых были упразднены высшие суды, что означало для эксцепторов потерю довольно значительных средств²⁴. Более того, грубость Иоанна Каппадокийского по отношению к подчиненным, серьезное упрощение бюрократической машины, проведенное им, и значительные сокращения в употреблении латинского языка в качестве официального языка империи привели Иоанна Лида в столь сильное негодование, что он наполнил большую часть третьей книги трактата «О магистратах» резкими нападками на ненавистного временщика и вообще посвятил ее критике его правления.

Иоанн Лид был особенно уязвлен сокращением в употреблении латинского языка в государственном управлении, поскольку сам являлся знатоком латыни и гордился своими познаниями в этой области. Писатель выражает сожаление по поводу того, что латинский язык исчезает из официального делопроизводства: это, по его мнению, один из симптомов кризиса империи²⁵. Действительно, у Лида были причины сетовать на «эллинизацию» делопроизводства: ведь сам-то он хорошо владел латынью и мог бы в ином случае благодаря своей образованности претендовать на служебные отличия²⁶. Иоанн Лид возлагает вину за забвение латыни на Иоанна Каппадокийского, не замечая того, что постепенная победа греческого языка в общественной жизни и государственной практике Византии была закономерным процессом, связанным с перенесением центра империи на Восток и с упадком римских традиций.

Воззрения Иоанна Лида на административное устройство империи окрашены в консервативные тона. Он — ярый приверженец сохранения всех административных традиций Римской империи и противник реформ. Иоанн Лид гордится древностью ведомства префектуры претория: она

²¹ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 57—69.

²² *Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949, II, p. 734, 838—840.* Э. Штейн видел в Иоанне Каппадокийском выдающегося политического деятеля, вдохновителя всех административных преобразований Юстиниана и нападки Иоанна Лида на него считал не соответствующими действительности.

²³ *Ioannes Lydos. De mag.*, III, 57—62; 66—72.

²⁴ *Ibid.*, III, 65—68.

²⁵ *Ibid.*, II, 42; III, 42.

²⁶ *Jones A. H. M. The Later Roman Empire. 284—602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964, vol. II, p. 601.*

была, по его словам, основана еще Ромулом. В представлении писателя глава префектуры претория — *ὀπάρχος* и глава всадников — *ἰπλάρχος* этимологически адекватны ²⁷.

Традиционализм Лиды был отмечен в научной литературе. Так, В. Энслин писал: «Высшие чиновники весьма часто сменялись, но их опытнейшие подчиненные в большей степени подходили для эффективной работы и в то же время были ревностными хранителями административной традиции. Иоанн Лид, сам работавший в ведомстве преторианского префекта, приводит примеры этого в своей книге „О магистратах“» ²⁸.

Вместе с тем Иоанн Лид проявляет достаточную политическую осторожность и никогда не отваживается открыто выступать против еще здравствующих вельмож. Он позволял себе свободно поносить уже павшего временщика Иоанна Каппадокийского, но воздерживался от упреков в адрес его преемников, одним из которых был небезызвестный Петр Варсима, заслуживший уничтожающую характеристику в «Тайной истории» Прокопия. Петр был в силе как раз тогда, когда Иоанн Лид писал свой трактат.

Трактат Иоанна Лиды «О магистратах» интересен также как литературное произведение. Писатель часто отходит от сухого изложения чисто административных вопросов и вставляет в свое повествование целые литературные новеллы, порой не связанные с главной темой его труда. Сочиняя подобные вставные новеллы, автор стремился показать свою образованность, знание латинской и греческой литературы. Характерный образец такого рода литературных отступлений у Иоанна Лиды — его экскурс о латинской драматической и сатирической поэзии ²⁹. Возникновение театра в древнем Риме автор связывает с созданием такой магистратуры, как цензура; Лид описывает историю римского театра, его жанры (трагедию и комедию), разбирает вопрос о воздействии греческого театра на римский. Особое внимание писателя привлекает римская сатира, поэтический жанр, возникший из комедии и по своей форме наиболее близкий греческим образцам. Трудно сказать, читал ли сам Лид произведения римских сатириков в подлиннике, но несомненно, что хорошо знал литературу о них. Экскурс о латинской сатирической поэзии позволяет определить уровень знания латинской литературы в Константинополе VI в. ³⁰

В заключение отметим, что трактат Иоанна Лиды «О магистратах» представляет собой важный и уникальный источник по административной истории Римской империи и ранней Византии. Если не считать фрагментов трактата Петра Патрикия, о котором Иоанн Лид очень высоко отзывается ³¹, его труд представляет собой первый трактат по административной истории, написанный после эпохи Адриана, и единственный, который сохранился от ранневизантийского времени. Фотий высоко оценивает этот труд, характеризуя его как изящный и полезный для тех, кто интересуется римской администрацией.

Два других произведения Иоанна Лиды — трактаты «О месяцах» (*De mensibus*) и «О небесных знамениях» (*De ostentis*) — во многом уступают его основному сочинению. Они интересны главным образом как отражение некоторых научных представлений византийцев, причудливо сочетающихся с грубыми суевериями, которые царили в современном Лиду обществе. Вместе с тем оба трактата содержат немало разнообразных сведений из повседневной жизни империи, иногда почерпнутых из не дошедших до нас источников.

Произведение «О месяцах» — это компилятивное собрание материалов античных авторов о мифических и отчасти исторических событиях, при-

²⁷ *Ioannes Lydos. De mag., I, 14—15; III, 22.*

²⁸ *Ensslin W. The Emperor and the Imperial Administration in Byzantium. An Introduction to East Roman Civilisation. Oxford, 1961, p. 284.*

²⁹ *Ioannes Lydos. De mag., I, 40—41.*

³⁰ *Tanasoca N. S. I. Lydos et la Fabula latina. — Revue des Etudes sud-est. europ. 1969, 7, p. 231—237.*

³¹ *Ioannes Lydos. De mag., II, 25—26.*

уроченных обычно к тому или иному месяцу года, своего рода справочник по римскому календарю и праздникам, о которых из других источников мы знаем очень мало.

Эти трактаты Лида свидетельствуют о его незаурядной образованности. Так, в трактате «О месяцах» он использует не только широко известных авторов — Гомера, Софокла, Платона, Аристотеля, Гесиода, Исократа, Плутарха, Варрона, Демокрита, Менандра, Олимпиодора, Вергилия, Евсевия, но и таких мало кому знакомых, как Никомах, Ликофрон, Митродор, Порфирий, Филарх. По Фотию, хотя этот труд во многих отношениях и бесполезен, но приятен для чтения и является ценным источником по истории античности³². Это сочинение интересно еще и для характеристики познаний Иоанна Лида в области античной мифологии и литературы, оно свидетельствует о живучести античных литературных традиций в VI в. В какой-то степени трактат отражает и уровень естественнонаучных знаний в Византии VI в.

Трактат «О небесных знамениях» — краткая сводка сведений, почерпнутых в произведениях античных и византийских писателей, о различных природных явлениях — кометах, затмениях солнца и луны, громе и молнии, разливе рек и т. п., которые истолковывались в то время как знамения бедствий для народов, государств или отдельных лиц.

Хотя трактат, по выражению Фотия, и представляет собой сборник легенд и мифов, в то же время он содержит красочные сведения по древней астрологии, истолкованию небесных явлений и различных примет, связанных с окружающей человека природой: звездами, громом и молнией, стихийными бедствиями и прочими грозными знамениями, предвещающими трагические перемены в жизни людей и империй. В известной мере это — ценный источник для изучения социальной психологии людей античной и ранневизантийской эпохи³³. Трактат отражает уровень астрологической науки VI в., свидетельствуя о широком распространении различных суеверий во всех слоях византийского общества. Для историка, изучающего события VI в., неоспоримый интерес имеют включенные в этот трактат данные о восстании Ника³⁴.

В научной литературе вызывали споры религиозные воззрения Иоанна Лида. Еще византийские авторы — патриарх Фотий и император Лев в своей «Тактике» — критиковали Иоанна Лида за его языческие воззрения и предрассудки, которые они усматривали в астрологических и метеорологических наблюдениях и сочинениях писателя³⁵. Действительно, классицизм Иоанна Лида, его преклонение перед античностью были столь велики, что могли породить взгляд о его приверженности к языческой религии. Учитывая, однако, историческую обстановку Византии VI в., гонения на язычников при Юстиниане, трудно представить, чтобы государственный чиновник, каковым был Лид, мог оставаться язычником. Участие в государственной службе требовало от чиновников в VI в. принятия христианства, а их симпатии к язычеству, коль скоро они и существовали, должны были сохраняться в глубокой тайне. Недаром в основном и официальном труде Иоанна Лида «О магистратах» который он писал, правда, уже в старости, в полной мере ощущается влияние христианства.

Произведения Иоанна Лида привлекают и своими литературными достоинствами. Язык писателя — это греческий койне, несоблюдный от аттицизма и усложненности синтаксиса. Он изобилует пословицами и поговорками. Ко всему прочему, трактат «О магистратах» насыщен административными терминами и латинскими словами. Порой Иоанн Лид дает довольно странную этимологию, последних: это ставит под некоторое сомнение его утверждение, будто он был признанным экспертом в области латинской словесности³⁶. В сочинениях Лида немало отступлений от

³² *Photius. Op. cit.*, p. XVI.

³³ *Commentary by P. Hash in Lydos De mag. Bonn, 1837, p. XVI.*

³⁴ *Ioannes Lydos. De ostentis, 8, p. 282—283.*

³⁵ *Commentary by P. Hash..., p. XVI—XVII.*

³⁶ *Trispanlis C. N. Op. cit.*, p. 484.

темы, порою весьма пространных. Однако благодаря им Иоанн Лид извлекает читателя от сухого, монотонного изложения.

Во всяком случае, язык Лида более литературен, чем у византийских хронистов VI в., хотя и этот автор уже испытал воздействие народного греческого языка своего времени³⁷.

В своих трудах Иоанн Лид предстает человеком своего времени. Это — образованный чиновник, не чуждый политике, а также забот о своей карьере и житейском благополучии. Вместе с тем он — любитель римских древностей, знаток латинской и греческой литературы, ученый-профессор, с большим рвением отдающийся своим научным занятиям. Лид — одаренный писатель, стремящийся передать читателям свои обширные знания, поразить их блеском эрудиции, в то же время это человек суеверный, разделяющий все заблуждения своей эпохи.

2. ПАСХАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Заметное место в хронографии ранней Византии занимает сочинение анонимного хрониста, получившее название Пасхальная хроника. Ее непосредственное значение в истории византийского летописания определялось прежде всего тем, что в ней содержалось руководство по установлению даты пасхалий: отсюда происходит и само название Хроники³⁸.

Пасхальная хроника — весьма объемистое, по преимуществу компилятивное произведение, написанное в церковно-апологетическом духе. Она содержит хронологический костяк событий всемирной истории — «от Адама» до 628 г. Хроника сохранялась в единственной рукописи X в. (Cod. Vat. gr. 1941), которая обрывается на описании восшествия на престол иранского шаха Кавада (8 апреля 628 г.)³⁹.

Анонимный хронист был современником императора Ираклия (610—641). Время составления Пасхальной хроники относится, скорее всего, к последнему десятилетию правления этого императора. О самом хронисте известно чрезвычайно мало. Ярко выраженный клерикальный характер Хроники не оставляет сомнения, что ее автор был духовным лицом. Возможно, он состоял в свите константинопольского патриарха Сергия I (610—638): хронист относится к нему с особой симпатией, выдвигает его на передний план церковной жизни начала VII в., восхваляет Сергия как творца нововведений в православной литургике. Автор Пасхальной хроники ставит в своем труде две тесно связанные между собой задачи. Одна — общеисторическая: представить (подобно другим хронистам) всемирно-исторический процесс в строго хронологической последовательности, исходя из библейской концепции. Вторая — более практического, прикладного характера: создать руководство по единообразному исчислению пасхалий, поскольку в нем было много путаницы и противоречивых решений. Для самого автора, впрочем, как и для его читателей, вторая задача имела самостоятельное и особо важное значение.

Исходным пунктом для определения пасхального цикла анонимный хронист избрал 5507 г. С этой даты стала затем начинаться византийская (римская) эра, или эра «от сотворения мира», — в противовес александрийской и антиохийской. Хронология анонимного писателя, как и у других христианских хронографов, основана на библейском летосчислении, между годами которого вставлены рассказы о вавилонских и персидских царях, о Птолемах и римских императорах.

³⁷ Crusius O. Römische Sprichwörter und Sprichwörterklärungen bei Joannes Laurentius Lydus. — Philologus, 1898, 57, S. 501—503.

³⁸ Наряду с названием Chronicon Paschale это сочинение иногда называли Chronicon Alexandrinum, Chronicon Constantinopolitanum или Fastisiculi. См.: Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 337 f.

³⁹ Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur des Byzantiner. München, 1978, Bd. 1, S. 328; Mereati G. A Study on the Paschal Chronicle. — Journal of Theol. Stud., 1906, 7, p. 397—412.

Изложение исторического материала в хронике строится применительно к ее основной задаче; хронологические выкладки автор как бы сопровождает историческим комментарием, пытаясь облечь хронологический костяк в плоть и кровь исторического повествования. Хроника состоит из подробного перечня событий, подчиненного строгому хронологическому порядку и разукрашенного различными вставками на исторические сюжеты, занимательными рассказами, историческими реминисценциями.

В передаче событий до 532 г. хроника сугубо компилятивна, она похожа здесь на пеструю мозаику, сложенную из отдельных отрывков сочинений древних авторов. Для древнейшего периода истории главным источником хрониста был Секст Юлий Африкан, данные которого он согласовывал с Библией. Для исчисления пасхалий хронист пользовался сочинениями Евсевия Памфила и каким-то неизвестным источником, возможно восходящим к Пандору или Анниану. Известия Псевдо-Каллисфена почерпнуты, вероятно, в доступной автору хронографии Иоанна Малалы (полной редакции). Начиная с описания событий времени Римской республики писатель привлекает такой ценный источник, как консульские списки (фасты). Это тот же латинский источник, который использовал епископ Идатий для своей латинской Хроники. Автору были известны также пасхальные таблицы александрийского и антиохийского диоцезов.

Из христианских источников широко используются Библия, жития и мученичества святых, церковные истории Евсевия и Епифания. Анониму известно, например, произведение Епифания *Περὶ μέτρων καὶ σταδίων*. Главы о патриархах и пророках, об Иоанне Продrome, апостолах Петре и Павле, о мученике Стефане взяты из «Христианской топографии» Косьмы Индикоплова⁴⁰.

В основу освещения собственно византийской истории была положена Хроника Иоанна Малалы, которую автор иногда переписывал дословно. Помимо этого привлекался агиографический, а иногда и законодательный материал. Так, в Пасхальной хронике полностью приведен эдикт Юстиниана об истинной вере⁴¹.

События 532—600 гг. переданы не только по известным нам письменным источникам, но использована, видимо, устная традиция и какие-то иные ныне утраченные памятники. В этом аспекте особый интерес представляет оригинальная трактовка в Пасхальной хронике восстания Ника: наличие дополнительных источников и использование данных устной традиции позволили автору дать собственную версию трагических событий в Константинополе в январе 532 г.

После 532 г. и вплоть до конца правления Маврикия хроника скудеет событиями и состоит почти целиком из консульских фаст. Наибольшее значение в качестве вполне самостоятельного исторического источника имеет ее последняя часть, охватывающая время с 600 по 628 г. Конец царствования Маврикия, переворот Фоки и особенно первые семнадцать лет правления императора Ираклия описаны с большой полнотой, рассказ писателя становится подробнее, живее, красочнее, очевидно, потому, что он являлся современником изображаемых событий.

В некоторых частях Пасхальная хроника не лишена занимательности. Перечисление 12 городов, в название которых входит имя Александра Македонского⁴², описание строительной деятельности Септимия Севера⁴³, а также рассказ об императрице Евдоксии и Павлине⁴⁴ явно свидетельствуют о стремлении автора приукрасить повествование и сделать более привлекательным сухой хронологический перечень событий. Однако интерес писателя к хронологии всегда остается на первом плане. В точности ее воспроизведения — сильная сторона его сочинения⁴⁵.

⁴⁰ Wolska W. La Topographie chrétienne de Cosmas..., p. 54 f.; 86—93.

⁴¹ Chronicon Paschale/ Rec. L. Dindorf. Bonnae, 1832, p. 635—684.

⁴² Ibid., p. 321.

⁴³ Ibid., p. 493 f.

⁴⁴ Ibid., p. 584 f.

⁴⁵ Hunger H. Op. cit., S. 329.

Значение Пасхальной хроники, однако, выходит далеко за рамки упорядочения хронологии с целью установления строгого канона вычисления даты Пасхи и других церковных праздников, хотя сам хронист, да и его средневековые читатели именно в этом видели основную ценность его труда. В научной литературе, начиная с К. Крумбаха и кончая Г. Хунгером, Пасхальная хроника оценивалась обычно как посредственное произведение компилятивного характера, а собственная работа хрониста, если исключить упомянутую современную ему часть сочинения, представлялась крайне незначительной. Считалось, что автор ограничивался случайным сокращением и соединением источников. Нередко встречается в Хронике фактические погрешности и ошибки служили доказательством его невежества. В научном и литературном отношении Пасхальная хроника ставилась гораздо ниже произведений Евсевия и Синкелла; исследователи полагали, что она оказала большое влияние на средневековое летописание и потому заняла в хронографии последующего времени якобы незаслуженно выдающееся место лишь вследствие популярности изложения материала.

В последние годы, однако, в связи с возрастанием в научной литературе интереса к проблеме понятия исторического времени происходит постепенная переоценка византийской хронографии в целом и Пасхальной хроники в частности. Французские византилисты на основе изучения пролога к последней попытались суммировать то новое, что внесла византийская хронография, в том числе Пасхальная хроника, в эволюцию понимания исторического времени⁴⁶. Объект исследования, на наш взгляд, был избран правильно. Действительно, в Пасхальной хронике в концентрированном виде отразились все достижения христианской исторической мысли в выработке единой хронологической системы, где отсчет исторического времени ведется от 5507 г., или от «сотворения мира». Христианской историографии, создавшей единую историко-философскую концепцию и новое понимание исторического времени, необходимо было упорядочить и хронологию, в которой до того царил невероятный разброд. Существовали различные хронологические системы и эры, различные способы летосчисления. Требовалось привести эти многообразные хронологические системы в соответствие с эрой «от сотворения мира», что означало по существу замену многочисленных и порою случайных способов летосчисления единым временем, освященным христианской традицией. Само понятие «время» теологизировалось: все более упрочивалось богословское представление, согласно которому единое время было создано, как и все сущее, единым богом вместе с «сотворением мира» и будет длиться до бесконечности. Эта философская и богословская презумпция должна была теперь быть воплощена в историческую реальность.

В Пасхальной хронике, особенно в ее прологе, вырисовываются новые черты отношения христианской историографии к историческому времени.

Во-первых, в отличие от тех исторических сочинений («историй»), где на первом месте стоят события и раскрываются их внутренняя, причинная связь и логическая последовательность, во всемирных хрониках главная роль отводится времени, а следовательно, и хронологии. Хронология выступает у их авторов и целью и методом исторического повествования. Она даже оказывается важнее событий. События отныне непременно связываются с определенной датой, когда же примечательные события отсутствуют, хроника регистрирует смену лет или «чистый» ход времени. Продолжительность и последовательность событий используются для расчета времени и установления хронологии. Иными словами, событийное изложение заменяется временным.

Во-вторых, хронологии придается теологический характер. Приняв за основу всемирно-исторического процесса его библейскую концепцию

⁴⁶ *Beaucamp J. e. a. Temps et Histoire. 1. Le prologue de la Chronique pascale. — Travaux et Mémoires, 1979, 7, p. 223—301.*

хронисты пытаются все важнейшие исторические даты соотнести с ветхозаветными и новозаветными событиями, иными словами придать хронологическим расчетам некую сакральную значимость и весомость. Хронология теперь — это не только рамки, в которые вставляются события, и ее главная цель — не только определение даты того или иного события. На передний план выдвигается иная задача — доказать, что та или другая дата подтверждается библейской традицией, что она верна с богословской точки зрения. К этому присоединяется еще весьма важная для церкви практическая проблема — определение сроков религиозных праздников.

В-третьих, теологизация хронологии повлекла за собой введение в летоисчисление элементов символизма. Символика чисел в различных ее формах была известна многим древним народам. Заинтересовала она не без влияния ближневосточных традиций и христианских богословов.

Хронисты, однако, были увлечены не только самой этой символикой, но богословским смыслом чисел, который они старались отыскать, установив их тесную связь с церковной традицией. Тожественность чисел, их закономерное чередование, совпадение дат и хронологических циклов занимали их не сами по себе как некая «игра» или магическое действие, а прежде всего в качестве весомого в их глазах аргумента для доказательства правильности христианской системы хронологии.

Вместе с тем хронология все больше окутывается христианской символикой и окружается некоей сверхъестественной тайной. Этим подтверждался ее самодовлеющий характер, ибо именно в той степени, в какой можно проникнуть в «сокровенные тайны» времени, хронология, по мнению христианских хронистов, придает особый смысл самой истории⁴⁷. Отсюда вытекала еще одна существенная черта отношения христианских хронистов к проблеме времени — их стремление исторически обосновать освященные церковной традицией даты. Исторической дате зачастую отдается предпочтение перед символической. Это значит, что в соответствующем пункте времени хронологические сведения Ветхого завета, литургические каноны церкви и новозаветные даты совпадают. По существу речь шла о том, чтобы хронологически упорядочить все события всемирной истории — «от Адама» до «воскресения Христа». Естественно, что никому из хронистов, в том числе и автору Пасхальной хроники, не удалось полностью осуществить эту задачу. Сама попытка связать хронологию с христианской исторической концепцией, теологизировать хронологическую систему «от сотворения мира» и вместе с тем историзировать хронологические даты Ветхого и Нового завета, разумеется определялась общей религиозно-богословской «сверхзадачей», выдвигавшейся идеологами церкви, — необходимостью создания и окончательного упорядочения христианской догматики.

Если церковные историки ранней Византии, в первую очередь Евсевий и его последователи, старались реконструировать в духе христианской традиции документально обставленную событийную историю, то христианские хронисты строили для нее проверенный и исторически подтвержденный хронологический костяк. Он базировался на библейском материале, но вместе с тем должен был подвести под него историческое обоснование. Ведь путаница в хронологических системах и эрах зачастую подрывала веру в историчность библейских событий, что обеспечивало дополнительные аргументы противникам христианства.

У авторов всемирных хроник, при всех различиях в их таланте и в их манере изложения, была, таким образом, одна общая цель: исторически подкрепить церковную традицию и христианское понимание исторического времени — отсюда и их обращение именно к жанру всемирной хроники. Такая цель достигалась различными путями. Одни хронисты отдавали предпочтение символической, другие — историзму. Большинство соединяло в своих повествованиях и то и другое. В иных хрониках символичность проявлялась лишь по отношению к отдельным событиям, свя-

⁴⁷ Chron. Pasch., p. 3—31.

занным с определенными датами. Иногда, как это наблюдается в Пасхальной хронике, символизированный подход сопрягался со всей хронологической системой в целом.

Символизм проявлялся здесь в широком применении своеобразного «математического» метода, который позволял свести конкретные особенности событий отдельного года к общей модели — путем определения его места в повторяющемся цикле. А символичность тогда только и возникает, когда вырисовывается некое «тождество».

Новая хронологическая система признавала «родство» между цифрами и именами: так, для обозначения четырех дней недели (воскресенья, понедельник, вторника и среды) греческий язык предлагает полное тождество между названиями этих дней и цифрами, обозначающими их порядковое место в неделе. Этот факт показывает, по мнению хрониста, что греческие буквы и цифры, числа и слова составляют единство, в котором все элементы зависят друг от друга. День недели не только имеет «правильное» наименование, но и заключает в себе определенный тип событий. Поэтому, с точки зрения хрониста, можно считать, что хронология в какой-то степени содержит и самый смысл событий, происходящих во времени. Следовательно, не история повествует о времени, а время об истории.

Хронология приобретает поэтому в известной мере «пророческий» характер, вследствие чего новая система позволяла вычислять даты Пасхи до «скончания света». Автор Пасхальной хроники неоднократно пытается установить символическую связь между событием и его датой⁴⁸. Правильность хронологии — это в представлении хрониста не только историческая, но и теологическая необходимость.

Основные выводы автора Пасхальной хроники сформулированы им в прологе к его сочинению. Церковные праздники, по его утверждению, отмечаются в хронологически правильно установленные дни; представленные в его труде циклы для исчисления Пасхи (солнечный цикл — в 28 лет, лунный цикл — в 19 лет и цикл в 532 года) соответствуют реальности исторического времени. Начало цикла в 532 года является для автора не символической датой «воскресения» Христа, но его исторической датой. При исчислении даты Пасхи автор Хроники опирается на постановления Никейского собора (как, впрочем, и все другие христианские хронисты). Годы «от сотворения мира», указывает он, отсчитаны в его Хронике верно и соответствуют исторической реальности. Все утверждения хрониста логически связаны между собой, вытекают одно из другого и подтверждают друг друга. Гарантией правильности дат служат, с точки зрения автора, «божественные установления», природные явления (для солнечного и лунного цикла) и церковная традиция. Обоснованность предложенной хронологической системы подтверждается, таким образом, каждым из этих элементов, за исключением одного пункта: события, о которых не сказано в Писании, особенно события, происходившие после «страстей господних», не имеют, по мнению хрониста, небесной гарантии. «Страсти господни» — своего рода поворотный пункт. В плане техническом — циклы в 19 и 28 лет исчисляются «от сотворения мира», цикл в 532 года считается с «воскресения». В символическом плане — ни одна из дат, следующая за «воскресением», не подвергается интерпретации указанного выше типа; явно заметна убыль символичности. Последнее обстоятельство, по-видимому, объясняется тем, что время «от сотворения мира» до «воскресения» представляется замкнутым и это позволяет увидеть символическую связь между датой и событием. Напротив, время после «воскресения» — открытое время; поэтому значимость которая заключена в событиях, еще не может проявиться. Таким образом, время до и после Пасхи обладает разным «качеством», а история — различным статусом: до Пасхи историк имеет дело с законченной, написанной историей, поддающейся расчету

---

⁴⁸ Chron. Pasch., p. 461.

и толкованию; история после Пасхи не закончена, смысл ее еще не определен ⁴⁹.

Пасхальная хроника написана простым языком, близким к народному. Анонимный автор сочинения был, по-видимому, грек, связанный с Константинополем и Константинопольской патриархией. Влияние восточных традиций в стиле и языке его труда проявляется в меньшей степени, чем в сочинениях других современных ему хронистов. Как Иоанн Малала и Иоанн Антиохийский, писатель черпал некоторые образы, метафоры, пословицы и поговорки, занимательные рассказы в устной традиции и народном творчестве. Однако в отдельных частях Хроники материал изложен сухо и лапидарно, что объясняется обилием математических расчетов и превалированием хронологии над описанием событий.

По яркости изложения и образности языка Пасхальная хроника уступает сочинениям других современных ей хронистов, особенно хронографии Иоанна Малалы. Вместе с тем доступность изложения сложных математических выкладок, четкая система вычисления Пасхалий, логика авторского мышления в сочетании с христианской ортодоксальностью обеспечили этому произведению широкое распространение и сделали его в течение всего средневековья излюбленным чтением византийских монахов.

---

⁴⁹ *Beaucamp J. e. a. Op. cit.*, p. 290—291.